
В. И. Марковин

**ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА И КУЛЬТЫ
ДРЕВНЕГО КАВКАЗА**

Археологи часто сталкиваются с труднейшей задачей — раскрытием смыслового значения орнаментального узора, рисунка, произведения пластики. При этом изучаемый материал, как правило, показывает, что не эстетические побуждения древних людей, а их мировоззрение является первопричиной возникновения произведений искусства. Обратимся для иллюстрации к памятникам Кавказа (по материалам до 1966 г.).

Многообразная природа Кавказа со всей ее изобильной роскошью и суровой жесткостью способствовала возникновению и развитию неверных фантастических представлений о жизни. Борьба с природой породила сложные верования. Они сплетались в столь запутанный клубок, что расчленить их по категориям порой почти невозможно.

Самым древним памятником первобытного искусства на Кавказе являются линейные начертания, обнаруженные в скальных навесах Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). Значение этих и подобных палеолитических рисунков до сих пор точно не установлено. Однако в них, по словам С. Н. Замятина, ученые склонны видеть магические изображения ловушек или жилищ¹. П. П. Ефименко считает, что в эпоху палеолита для человека не было разницы между живым и неодушевленным, реальным и изображаемым².

Мы не думаем, чтобы и в дальнейшем, в эпоху неолита, энеолита-бронзы, человек также не расчленил мир живого и неживого. Так, некоторые выбитые рисунки, обнаруженные на скалах Кобыстана в Азербайджане, воспроизводят сцены жертвоприношений, ритуальных танцев, сцены, предвещающие счастливую охоту³. Дальнейшие успехи в металлургии, гончарном деле, в обработке камня и кости, наконец, переход к оседлому образу жизни, несомненно, привели к более реальным воззрениям на жизнь. Происходило постепенное накопление знаний, опыта, но чрезвычайная зависимость от различных случайностей подрывала веру человека в свои силы. Даже восстанавливаемые археологами заупокойные ритуалы свидетельствуют о сложности и противоречивости миропонимания древнего человека.

Не так давно в Грузии на Цалкинском нагорье (Триалети), близ Дманиси, О. М. Джапаридзе раскопал курганы, датируемые серединой II тысячелетия до н. э. На камни дромосов и стены погребальных камер трех курганов были нанесены знаки в виде штриховок, зигзагов, углов (рис. 1, 1—3). Судя по беглому описанию, курганные «залы» содержали бронзовое оружие, украшения из золота, сердолика, глиняную посу-

¹ С. Н. З а м я т и н, Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры (Грузия), «Сов. археология», III, 1937, стр. 70—72, рис. 9, А, В.

² П. П. Е ф и м е н к о, Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 301.

³ И. М. Д ж а ф а р з а д е, Наскальные изображения Кобыстана в Азербайджанской ССР, «Труды Музея истории Азербайджана», т. II, Баку, 1957, стр. 107, 111; А. А. Ф о р м о з о в, Очерки по первобытному искусству, М., 1969, стр. 27 и сл.

ду. Можно думать, что в этих курганах, как и в раскопанных ранее Б. А. Куфтиным, был погребен лишь кремированный прах умерших. Наибольшее количество знаков было нанесено на южные стены. О. М. Джапаридзе считает, что эти знаки связаны «с каким-то магическим или ритуальным обрядом»⁴, а может быть даже являлись первыми «попытками письма»⁵. Интересно то, что некоторые рисунки на камнях повторяют узор на керамике, извлеченной из этих же гробниц. Та-

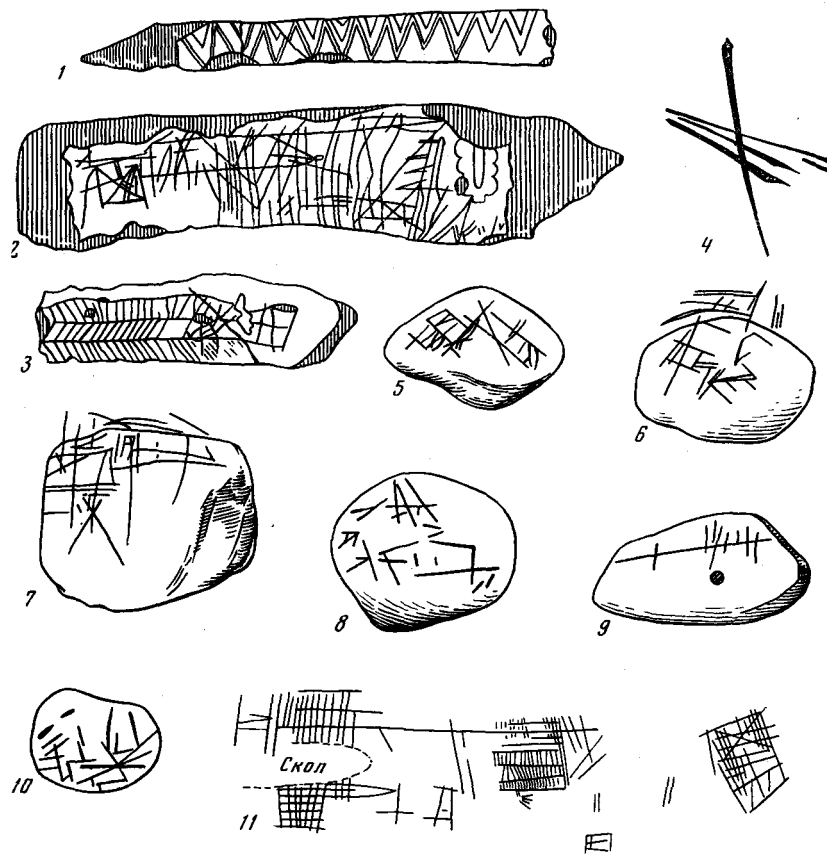

Рис. 1. Графические изображения на камнях и скалах; 1—3 — камни со знаками из кургана № 4 (по О. М. Джапаридзе, Грузия, Триалети); 4 — знаки на менгире (Дагестан, Махачкала, Нарра-Тюбинский хребет); 5—10 — начертания на камнях кромлеха (Северная Осетия, Кораурдсон); 11 — рисунок на скале (Дагестан, Капчугай)

кое совпадение не случайно. Орнамента причерноморских дольменов (ст. Шапсугская, Эриванская, сел. Адербиевское, г. Геленджик; рис. 2) близка узору на сосудах, относящихся ко времени сооружения дольменов (поселения на Толстом мысу и в бухте у г. Геленджика, материалы из дольменов Красной Поляны и сел. Эшери)⁶. Подобные узоры в виде

⁴ О. М. Джапаридзе, Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг., «Сов. археология», 1964, № 2, стр. 114—119, рис. 14, 15, 17, 18; его же, Отчет археологической экспедиции 1960—1961 гг., «Изв. Отделения обществ. наук АН ГрузССР», 1963, № 6, стр. 192, и сл., табл. IX, X (на груз. яз.); его же, Зуртакетские курганы, «Сообщения АН ГрузССР», т. XXXI, Тбилиси, 1963, стр. 247—255 (на груз. яз., русск. резюме); его же, Отчет Триалетской археологической экспедиции за 1962—1963 гг., «Труды Тбилисского ун-та», т. 107, Тбилиси, 1964, стр. 65—74, табл. VI—X (на груз. яз.).

⁵ О. М. Джапаридзе, К изучению знаков на камнях Зуртакетских курганов. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР, Баку, 1965, стр. 76.

зигзагов и углов обычно рассматриваются как символы воды⁷. Так изображали воду на восточных рельефах, вишапах. Глиняные рельефы из Дагестана с орнаментикой, близкой триалетским камням, вполне справедливо считаются символическими знаками, связанными с земледелием⁸.

Изобразительная символика вообще характерна для кавказских народов.

Сваны очень условно изображали сцены «угона животных, посвященных душам мертвых, в потусторонний мир», выражали пожелания плодородия для всего живого⁹.

Среди этих изображений имеются зигзаги, «рогатые» элементы, волнообразный узор. У аварцев и грузин такие знаки должны были охранять дом; у лакцев аула Балхар и осетин ими украшалась посуда с целью, чтобы она не пустовала; у лезгин ручка сосуда в виде животного должна была охранять от порчи его содержимое. И все подобные изображения — обереги, или связанные с культами плодородия и воды¹⁰, должны были быть не только магически-действенными, но и зрительно-привлекательными, они должны «были нравиться, быть красивыми»¹¹.

Возможно, рисунки триалетских гробниц и дольменов служили той же магической цели — они призваны были охранять спокойствие мертвых, обеспечивать им полное благоденствие в загробном мире.

Не случайно и то, что в гробницах Триалети знаки были нанесены на южные стены. Известно предпочтение, которое отдавалось в древнейших погребениях эпохи бронзы на Кавказе ориентации на юг, восток — солнечным сторонам. Это, несомненно, было связано с культом солнца. Кромлехи, окружающие курганы и отдельные могилы, символизировали солнце¹². Иногда камни таких кромлехов покрыты узором. В 1964—1965 гг. в районе селений Кораурсдон и Кадгорон в Северной Осетии мы производили раскопки курганов северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. Для этих курганов характерны кромлехообразные окружения. Валуны кромлеха одного из курганов в сел. Кораурсдон с внутренней стороны были украшены врезам в виде углов, перекрестий, штриховок

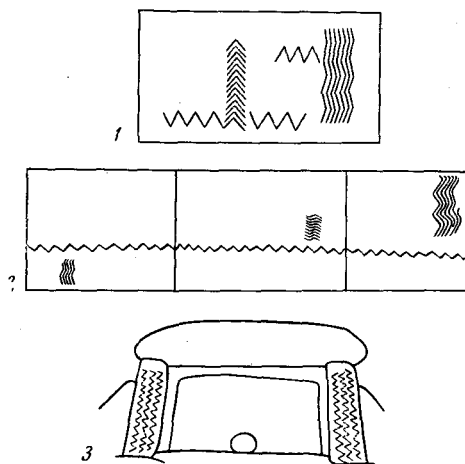

Рис. 2. Орнамент на дольменах; 1 — рисунок на задней стене (по Б. В. Лунину. Геленджик); рисунок на боковых и задней стенах (по А. Лешенко. Геленджик); 3 — фасад дольмена (по А. Лешенко. Жане).

⁶ Материалы Б. А. Куфтина, О. М. Джапаридзе, И. И. Аханова, В. И. Марковина (Гос. музей Грузии, музеи в г. Геленджике, Сухуми, Сочи).

⁷ И. И. Мещанинов, Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа, «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», т. I, Л., 1925, стр. 243—249; его же, Закавказские поясные бляхи, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 45, Махачкала, 1926, стр. 202, 203.

⁸ В. М. Котович, Верхнегунисское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, Махачкала, 1965, стр. 160 и сл.

⁹ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 157.

¹⁰ А. И. Робакидзе, К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы, «Сов. этнография», 1948, № 3.

¹¹ В. В. Бардавелидзе, Указ. раб., стр. 158.

¹² И. И. Мещанинов, Кромлехи, Л., 1930.

(рис. 1, 5—10). Менгиروобразный камень с подобными рисунками лежал на кургане в сел. Кадгарон. Известен еще один менгир с врезами (рис. 1, 4). Он возвышался у склона Нарра-Тюбинского хребта к северо-западу от Махачкалы¹³.

В виде кромлехов устраивались обширные постройки. Такие культовые сооружения, испещренные различными изображениями, в том числе и рисунками животных, недавно обнаружены у селений Мардакяны и Шувеляны в Азербайджане¹⁴. Знаки на подобных памятниках (сетки, штриховки, перекрестия), так же, как и часть рисунков из Триалети, очень напоминают наскальные изображения Дагестана (рис. 1, 11) и Прикубанья¹⁵. А. А. Формозов склонен предполагать, что узор типа решеток (сеток) обозначает «охотничьи загороди», которые должны были «обеспечивать успех загонной охоты»¹⁶. Нам же подобные «решетки» представляются счетными знаками, служившими своеобразной записью количества убитых животных, поголовья скота и т. д.¹⁷ У чеченцев есть сказка, из которой следует, что если сохранить все кости убитого животного, не переломав их, оно возродится. Для этой же цели могли и рисовать животное или просто отмечать его условным значком. Такие изображения на кромлехах должны были символически обеспечивать умершего в его загробном существовании всем тем, что он оставил на земле.

В воззрениях осетин, вейнахских народов, дагестанцев до сих пор живы пережитки культовых действий прошлого, и почти все эти действия сопровождаются пением и музыкой, обставляются предметами, украшенными резьбой, искусным рисунком. У осетин на ритуальных пиршествах (кувд) круговая чаша, ходившая по рукам, была снабжена ручками в виде бараньих головок. У них же существовало рогатое божество — «патрон домашних животных Фалвар», которое незримо присутствовало на всех обрядовых действиях, Рогообразные орнаментальные мотивы украшали мебель, одежду, обувь горца¹⁸. В Дагестане, Северной Осетии, Грузии и в других частях Кавказа кровлю дома поддерживала мощная деревянная колонна — «корневой столб». У аварцев он символизировал единство и мощь семьи, повреждение его было равносильно нанесению оскорбления хозяевам жилища. Корневой столб при переездах переносили в новый дом. Покупка дома со столбом, оставшимся от старых хозяев, означала приобретение «счастья и мощи» дома¹⁹. Такой столб украшался тонкой резьбой — солярными знаками, крестами, свастиками; капитель столба делалась в виде загнутых крутых рогов барана.

У осетин, дагестанцев, чеченцев и ингушей старинные постройки (вплоть до XVIII в.) покрывались петроглифами — выбитыми знаками и рисунками. На мечетях и могильных камнях высекали лабиринт, чтобы нечистая сила не проникла в храм или не мешала покою мерт-

¹³ Разведки производились вместе с Л. В. Бутко в 1953 г.

¹⁴ Г. Н. Асланов, Археологические раскопки на севере Апшерона, «Тезисы докладов и сообщений сессии Ин-та истории АН АзербССР, посвященной итогам археологических работ в 1963 г.», Баку, 1964, стр. 30, 31; его же, Новый комплекс археологических памятников Апшерона, «Материалы сессии, посвященной итогам археологических работ 1964 г.», Баку, 1965, стр. 85.

¹⁵ В. М. Сысоев, Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г., «Материалы по археологии Кавказа», вып. IX, стр. 127, табл. XVII; П. У. Аутлев, П. А. Дитлер, «Камни-писаницы», Уруштена, «Пленум Ин-та археологии Кавказа» (тезисы докладов), М., 1966, стр. 3.

¹⁶ А. А. Формозов, Каменный век и энеолит Прикубанья, М., 1965, стр. 128.

¹⁷ В. И. Марковин, Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана, «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 153.

¹⁸ А. Х. Магомедов, Культура и быт осетинского крестьянства, Орджоникидзе, 1963, стр. 25, 26.

¹⁹ З. А. Никольская, Из истории аварского жилища, «Сов. этнография», 1947, № 2.

вого; на стенах постройки мастер оставлял изображение своей руки, которое гарантировало крепость дома. Среди петроглифов можно видеть целые сцены, солярные и свастические знаки²⁰. Умелая рука мастера, его верный глаз позволяли иногда с большим вкусом сочетать архитектуру дома с петроглифами, создавая красочную игру светотени на стенах дома-башни.

Во всех произведениях примитивного графического искусства, будь оно памятником эпохи бронзы или средневековья, эстетическая сторона занимала подчиненную роль, хотя мастер в меру своих способностей всегда старался сделать свое произведение художественно совершенным²¹.

Верования горцев породили не только графическое искусство, но и пластику. И. И. Мещанинов делает интересное сопоставление: «Вода, как единое когда-то божество, дает жизнь и смерть. Как податель жизни и благого начала, оно тождественно с подателем человеческой жизни — женщиной. Поэтому богиня — женщина и божество — вода, как обладатели одинаковой силы рождения, совпадают»²². Трудно сказать, так ли это, однако утверждать, что графическое искусство и искусство пластики возникают почти одновременно, и среди произведений пластики первое место принадлежит образу женщины; лишь затем появляются изображения мужчин и животных.

Сейчас на Кавказе найдено довольно много подобной скульптуры. На энеолитическом поселении Мешоко (Прикубанье, майкопская культура) были найдены человеческие фигурки с раскинутыми руками, приседающие фигурки, обломки статуэток домашних животных²³. К этому же времени может быть отнесена и женская статуэтка из ст. Урупской²⁴. Подобного типа находка была сделана и на Агубековском поселении близ Нальчика²⁵. Поселения куро-аракской культуры также часто содержат глиняные изображения людей и животных (Урбниси, Амиранис-гора в Грузии, Кюль-Тапа близ г. Эчмиадзина в Армении, Кюль-Тапа близ г. Нахичевани в Азербайджане и др.)²⁶, в эпоху бронзы подобная пластика не исчезает: таковы находки из Ульского аула (Уляп, Прикубанье), Пятигорска, Южного Дагестана (курган Катарагач-Тапа близ Дербента)²⁷. К V в. до н. э. эти изображения делают уже не из глины²⁸, а из металла — преимущественно из бронзы²⁹, а

²⁰ Д. М. Атаев, В. И. Марковин, Петроглифика горной Аварии, «Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР», вып. XIV, Махачкала, 1965, стр. 342 и сл.; П. М. Дебилов, Резьба по камню в Дагестане, М., 1966, стр. 16 и сл.

²¹ А. А. Миллер, Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. I, Л., 1927, стр. 31—45.

²² И. И. Мещанинов, Закавказские поясные бляхи, стр. 201.

²³ А. А. Формозов, Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 128—129.

²⁴ В. И. Марковин, Глиняная статуэтка из станицы Урупской, КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 108 и сл., рис. 48.

²⁵ Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, Неолитическое поселение близ г. Нальчика, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 3, М.—Л., 1941, стр. 54, 55, рис. 3, 1.

²⁶ А. Н. Джавахишвили, Л. И. Глonti, Урбниси, I, Тбилиси, 1962, стр. 63, табл. XXIV, XXV, XXVII, I; Т. Н. Чубинишвили, Амиранис-Гора, Тбилиси, 1963, стр. 103, табл. X, XI; Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 35, табл. 2; О. Абибуллаев, Энеолитическая культура Азербайджана, «Материалы по археологии Дагестана», II, Махачкала, 1961, стр. 79.

²⁷ Н. И. Веселовский, Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе, «Изв. археологической комиссии», вып. 35, СПб., 1910, стр. 2, 7; А. А. Русов, Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане, «Труды Предварительных комитетов V Археологического съезда в Тифлисе», I, М., 1882, стр. 571, табл. XVI.

²⁸ Глиняные статуэтки в большом количестве найдены в слое XI—XII вв. до н. э. на поселении Сержень-Юрт в Чечне. См. В. И. Козенкова, Антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта, КСИИМК, вып. 108, 1966, стр. 74—78, рис. 25.

²⁹ A. A. Zakharov, Material for the archaeology of the Caucasus, Swiatowit, t. XV, Warszawa, 1933.

иногда из бронзы и железа (в сел. Вани в Грузии была найдена железная статуэтка с золотыми височными кольцами и гривной, в сел. Шатой (Советское) в Чечне — статуэтка с туловищем из железа и бронзовой головкой; рис. 3). Известны подобные фигурки и для более позднего времени. Для всех них характерна одна общая черта — у них подчеркнуты признаки пола при довольно условной моделировке туловища. Однако встречаются отдельные бронзовые статуэтки, сделанные с

исключительным мастерством. Таковы, например, женские обнаженные фигурки, происходящие из сел. Согратль в Дагестане и сел. Шатой (Советское) в Чечне, мужская статуэтка из сел. Арчо (Дагестан)³⁰. Это подлинные произведения искусства: прекрасны пропорции тела, лепка форм, подчеркнуты индивидуальные особенности. Статуэтки животных (козлы, бараны, кони) часто также выполнены очень искусно. Обычно такие металлические фигурки происходят из культовых мест, расположенных на высоких плато. Археологам известны сейчас подобные святилища в горных районах Дагестана и Чечни. А. П. Круглов раскопал одно из них. Оно находилось на вершине горы у сел. Арчо. Здесь были обнаружены остатки каменного сооружения, в земле попадались много углей; тут же были найдены железные трезубцы и бронзовые статуэтки. А. П. Круглов отмечает, что с места раскопок была видна величественная горная панорама с множеством аулов³¹.

Исследователи материалов эпохи ранней бронзы Кавказа единодушно подчеркивают куль-

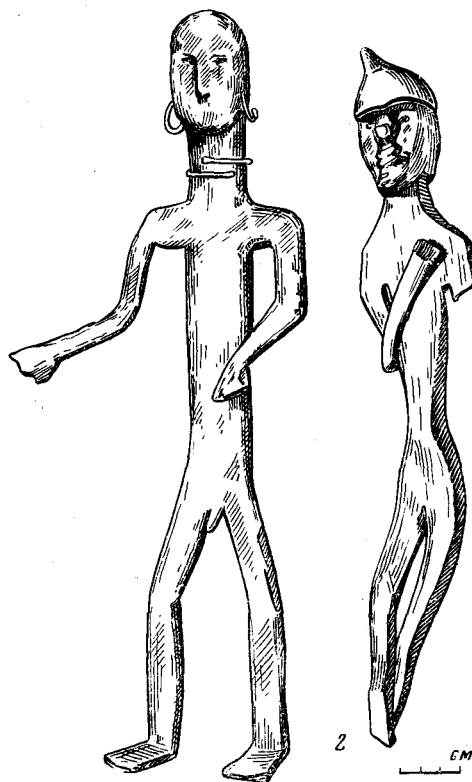

Рис. 3. Культовые статуэтки; 1 — из железа и золота (Грузия, Вани); 2 — из железа и бронзы (Чечня, Шатой)

товый характер статуэток, связывая их с земледельческими обрядами. Культы плодородия тесно переплетались с почитанием солнца, небес, огня. Угли, найденные в святилище А. П. Кругловым, указывают на какие-то действия с огнем.

На Кавказе долгое время сохранялись пережитки фаллических культов³². Они очень ярко проявляются в современном изобразительном искусстве и верованиях сванов³³. Совсем недавно в Ингушетии у сел. Кок возвышался фаллический памятник. Возле него происходили моления и этот памятник в дореволюционное время пользовался боль-

³⁰ А. П. Круглов, Культовые места горного Дагестана, КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 31, 35, рис. 11, а; 14; В. И. Марковин, Материалы по археологии Восточных районов Чечни, «Археолого-этнографический сборник», т. I, Грозный, 1966, стр. 129, 130, рис. 4, 9.

³¹ А. П. Круглов, Указ. раб., стр. 32—34.

³² С. М. Макалатия, Культ фаллоса в Грузии, «Постановления и резолюции II Краеведческого съезда Черноморского побережья и Западного Кавказа», Батум, 1925, стр. 36.

³³ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования..., стр. 127 и сл.

шой известностью³⁴. Подобные памятники известны в Армении, Грузии, в бассейне р. Кубань.

Бессилие человека перед природой, особенно бессилие земледельца и скотовода, благополучие которых целиком зависит от урожайности поля и плодovitости животных, и породило подобные культы. Известно, что охотничьи племена при неудачах иногда наказывают своих божков: оставляют без жертв, заменяют другими, угрожают им проклятиями. Земледельцы и скотоводы в таких случаях не могли угрожать — над ними простиралась карающая рука божеств: «захотят» — погибнет поле или вымрет стадо. В этом коренное отличие верований охотников от верований оседлых земледельцев³⁵.

Пережитки земледельческих культов были живы в сознании кавказских горцев до самого последнего времени. Таковы праздники первой борозды, выпечка ритуальных хлебцев, эротические пляски и ряд других явлений, в изобилии зафиксированных этнографами.

Мы очень сжато рассматривали только две категории памятников искусства древнего Кавказа: графику и пластику. Как видим, трудно говорить о чисто эстетическом начале в создании таких произведений. Тяжелые условия жизни древнего населения Кавказа не давали возможности заниматься излишней «роскошью» и только из чисто эстетических побуждений создавать прекрасное. Такое прекрасное рождалось в борьбе с природой и собственным невежеством.

³⁴ Л. П. Семенов, Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах, Грозный, 1963, стр. 100.

³⁵ В. Н. Чернецов, К вопросу о содержании термина «религия», Доклад на теоретическом семинаре АН СССР 23 февраля 1962 г., Архив Ин-та археологии АН СССР.